
Е. ГАЙДАР,
доктор экономических наук,
директор ИЭПП,

В. МАУ,
доктор экономических наук,
ректор АНХ при Правительстве РФ

**МАРКСИЗМ:
МЕЖДУ НАУЧНОЙ ТЕОРИЕЙ
И “СВЕТСКОЙ РЕЛИГИЕЙ”**
*(либеральная апология)**

**Историко-экономическая доктрина марксизма
сквозь призму современного опыта**

Тенденции развития современного мира, вызовы, с которыми сталкивается человечество на протяжении второй половины XX в. и в наши дни, предоставляют нам немало фактов, чтобы оценить, насколько актуален марксизм как научная доктрина, может ли он быть полезен для анализа долгосрочных тенденций развития современного мира. Обсуждать эту проблему можно под разными углами зрения: с одной стороны, с позиций ключевой гипотезы марксистской философии истории — о взаимодействии производительных сил, производственных отношений и политических институтов, об адекватности этого вывода реалиям последних десятилетий, с другой — в аспекте фундаментальных вызовов современности, таких, как глобализация, неравномерность развития отдельных стран и регионов мира. В какой мере при анализе данных процессов полезна марксистская методология? В какой мере марксизм сохранил свой прогностический потенциал? Ответив на эти вопросы, мы поймем, может ли марксистская доктрина служить аналитическим инструментом при изучении современных явлений.

*Производительные силы и их влияние
на социально-экономическое развитие*

Важнейший тезис марксизма состоит в том, что производительные силы (или технологический базис) общества определяют его произ-

* Окончание. Начало см.: Вопросы экономики, 2004, № 5. Авторы выражают искреннюю благодарность С. Талботу, А. Ослунду, М. Домбровскому и Л. Арону за полезные комментарии, а также Т. Дробышевской, В. Новикову и О. Луговому за помощь при работе над статьей.

водственные отношения (экономические, социальные и политические институты). Это ключевой тезис, поскольку именно на нем основываются марксовы представления о законах общественного прогресса. Все остальные построения марксизма (включая теории общественно-экономических формаций и классовой борьбы, тезис о роли обобществления), какими бы важными они ни казались идеологам и политикам, — лишь более или менее адекватное приложение данного фундаментального принципа к анализу реалий этапов исторического развития.

Принципиальный вопрос: а как, по каким параметрам можно оценить уровень развития производительных сил? Технологический прогресс непрерывен, его фазы удастся выделять лишь с определенной степенью абстракции. Одним из наиболее информативных показателей, с помощью которого можно попытаться оценить то, что Маркс называл *уровнем развития производительных сил*, выступает среднедушевой ВВП, конечно, рассмотренный в исторической ретроспективе и представленный в сопоставимом для межстранового анализа виде¹. Согласно современным исследованиям, определенная величина этого показателя достижима лишь при заданной технологической базе. Среднедушевой ВВП, характерный для индустриального общества, не может быть произведен на базе технологий традиционного (аграрного) общества. Для современного постиндустриального общества, в свою очередь, характерен более высокий уровень ВВП, нежели обеспечиваемый в условиях доминирования промышленности в структуре производства и занятости.

Даже поверхностного анализа исторической статистики достаточно, чтобы проследить связь среднедушевого ВВП с определенными формами политической и социальной организации общества. Страны с сопоставимым уровнем среднедушевого ВВП, как правило, имеют сходные политические системы, параметры, характеризующие другие сферы жизнедеятельности общества, у них близки (сопоставимы).

Исследования, проводившиеся в XX в., позволили выявить ряд закономерностей:

— несомненна связь среднедушевого ВВП и политического режима. Аграрные монархии, авторитарные режимы и современные демократии, как правило, характеризуются соответствующими (сопоставимыми для разных стран) уровнями экономического развития. Опираясь на работы А. Мэддисона, нетрудно убедиться, например, что государства со среднедушевым ВВП в 1200–1400 долл. обычно являются аграрными странами с авторитарными режимами (в XVII–XIX вв. это были аграрные монархии), с низким уровнем грамотности. Страны, душевой ВВП в которых составляет 2000–3000 долл., — индустриальные страны с грамотным населением и, как правило, авторитарными (или тоталитарными) режимами. Страны, душевой ВВП в которых превышает 15000 долл., — высокораз-

¹ В целях нашего анализа удобно использовать индикаторы среднедушевого ВВП, рассчитанные А. Мэддисоном за почти двухсотлетний период (Maddison A. *Monitoring the World Economy 1820–1992*. Paris, OECD, 1995). Сравнительные данные по странам даны в пересчете на доллары США 1990 г.

витые демократии с доминированием сектора услуг и с высоким потенциалом человеческого капитала;

— на определенном этапе технико-экономического развития начинается кризис традиционного общества, переход к индустриальному обществу. Революционные потрясения прошлого (знаменовавшие подобный переход) происходили в странах сопоставимого уровня экономического развития²;

— формирование устойчивых демократий, как правило, связано с достижением достаточно высокого уровня экономического развития³. Введение всеобщего избирательного права как стабильного института современного развитого общества, как правило, предопределяет выход среднедушевого ВВП на такой уровень⁴.

О ведущей роли производительных сил в формировании институтов современного общества говорит и сближение институциональных структур развитых стран, их конвергенция. У протестантской Великобритании, католической Франции, конфуцианской Японии можно найти больше общего в характере производительных сил, соответствующих им формам экономических и политических отношений, чем при сравнении каждой из этих стран с другими, более близкими им в культурно-историческом или этно-религиозном аспектах, но находящимися на существенно более низком уровне развития. Заметим, однако, что процессы институциональной конвергенции длительны и отнюдь не прямолинейны.

Можно указать и на иные процессы, демонстрирующие эволюцию общественных форм (институтов) по мере укрепления экономического фундамента общества. Налоговые системы разных стран, причем практически всех, проходят в своем развитии определенные этапы. Так, на ранних стадиях (примерно между концом XVI — серединой XIX вв.) существовали жесткие пределы увеличения налоговой нагрузки. И хотя она сильно колебалась по странам — от 4% ВВП в США до 12% ВВП в России (в зависимости от исторических традиций и специфических военно-политических потребностей), существенное повышение уровня налоговой нагрузки представлялось не только нецелесообразным, но и невозможным. С формированием индустриальных обществ этот ограничитель был снят. Как развитые страны, так и (особенно) страны догоняющей индустриализации пошли на резкое повышение роли перераспределительных трансфертов, расходы расширенного правительства стали достигать 40–60% ВВП. Однако выход за рамки возможностей индустриальных производительных сил ознаменовался сдерживанием роста налоговой нагрузки.

² См.: Стародубровская И., Май В. Великие революции от Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2001, с. 62, 63.

³ См.: Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman and London, University of Oklahoma Press, 1991; Barro R. Determinants of Economic Growth. A Cross-country Empirical Study. Cambridge, MA — London, The MIT Press, 1997.

⁴ Май В. Экономические реформы сквозь призму конституции и политики. М.: Ad Marginem, 1999, с. 51–52.

Опираясь на тот же индикатор развития производительных сил (среднедушевой ВВП), можно проследить устойчивую закономерность изменения принципов налогообложения с изменением уровня развития страны — низкие налоговые изъятия в странах со среднедушевым ВВП до 2000 долл., быстрый рост государственной доли на интервале 2000–8000 долл. И затем торможение и стабилизация (а по отдельным странам и снижение) данного показателя⁵.

Эти взаимосвязи были подробно изучены в экономической литературе второй половины XX в., причем отнюдь не марксистской. Работы С. Кузнеця, М. Абрамовича, А. Мэддисона, Р. Барро, основанные на обширной социально-экономической и демографической статистике, которой во времена Маркса просто не было, показывают ключевую роль технологического прогресса (развития производительных сил — по Марксу) в трансформации социальных структур и социальных отношений. Эти исследования позволили выявить устойчивые, хотя и не жестко детерминированные связи между уровнем производства, структурой занятости, способом расселения, демографическими характеристиками, развитием образования, показателями здоровья нации⁶. Используя ту же методологию, политологи продемонстрировали зависимость между уровнем экономического развития и политической организацией общества⁷.

Итак, в первой половине XX в. мир развивался почти “по Марксу” — хотя и не в деталях, но достаточно близко к указанной им траектории, чтобы многие интеллектуалы были склонны признать “торжество марксистских идей”. Но в послевоенный период в связи с успехами западных стран отношение к марксистской методологии (и прежде всего к философии истории) становилось во все большей степени критическим: “Марксизм как теория, как последовательная доктрина оказался несостоятельным. ...История революций XX века... до сих пор подтверждает несостоятельность марксизма”⁸. В работах этого времени акцент делался на провалах марксизма в области прогноза революций, которые произошли отнюдь не в тех

⁵The World Bank. *From Plan to Market*. World Development Report 1996. Oxford — New York, Oxford University Press, 1997, p. 114.

⁶Kuznets S. *Modern Economic Growth. Rate, Structure, and Spread*. New Haven — London, Yale University Press, 1966, p. 15; Abramovitz M. *Thinking about Growth*. Cambridge, Cambridge University Press, 1989; Maddison A. *Monitoring the World Economy 1820–1992*; Maddison A. *The World Economy: A Millennial Perspective*. Paris, OECD, 2001; Barro R. *Determinants of Economic Growth: A Cross-country Empirical Study*.

⁷Lipset S. *Political Man. The Social Basis of Politics*. New York, Doubleday, 1960; Huntington S. *The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century*; Diamond L. *Economic Development and Democracy Reconsidered*. In: Marks G., Diamond L. (eds.). *Reexamining Democracy*. London, Sage Publications, 1992; Vanhanen T. *Prospects for Democracy: A Study of 172 Countries*. London–New York, Routledge, 1997.

⁸Dunn J. *Modern Revolutions: An Introduction to the Analysis of a Political Phenomenon*. Cambridge, Cambridge University Press, 1972, p. 19. Даже те, кто в целом отмечает большое научное значение теории революции Маркса, считая ее “возможно, наиболее значительной из всех школ революционной мысли”, подчеркивают тем не менее, что “как метод прогнозирования она не нашла подтверждения применительно к индустриальному обществу” (Cohan A. *Theories of Revolution: An Introduction*. New York, Halsted Press, 1975, p. 54, 68).

странах, где должны были случиться в соответствии с ортодоксальными марксистскими представлениями. Кроме того, как указывают авторы, дальнейшее развитие производительных сил привело не к кризису и краху важнейших экономических и политических форм (собственности, государства), а к их трансформации, появлению новых экономических и политических форм.

Что же *не подтвердилось* в марксовой схеме исторического прогресса, основанной на примате развития производительных сил? Прежде всего Маркс и его последователи абсолютизировали тенденции развития производительных сил относительно форм производства и политической жизни. Они определили характер “болезни”, но ошиблись в двух аспектах. В первую очередь они экстраполировали на долгие годы вперед современные Марксу тенденции развития производительных сил (концентрация и централизация). Этот тренд представлялся им неизменным. Неверным оказался и рецепт лечения “болезни” — через системный кризис и полномасштабную революцию. Иными словами, предложив интересный анализ современных противоречий и проблем развития производительных сил и общественных форм, Маркс и марксисты сформулировали ошибочную гипотезу о механизме разрешения этих противоречий.

Как показала практика первой половины XX в., на индустриальном этапе наиболее развитые страны смогли адаптироваться к новым условиям без политических потрясений, изменив взаимоотношения между государством, бизнесом и наемным трудом с помощью комплексных и глубоких реформ. В тех же случаях, когда приспособление к новым условиям сопровождалось резкими сдвигами в политической и социальной структуре общества, эти сдвиги приводили не к социалистическим (пролетарским) революциям в марксовом понимании и торжеству гуманизма, а к установлению диктаторских, тоталитарных режимов (в России, Германии, Аргентине и т.д.).

Тем не менее кризис марксизма не стал крахом базовой гипотезы марксовой философии истории. Это — кризис интерпретаций и прогнозов, основанных на вульгарном и поверхностном приложении методологии, результат трех ошибок методологического и теоретического характера.

Во-первых, методологической ошибкой стало игнорирование диалектического метода, который составлял “живую душу марксизма”. Это проявилось в утвердившемся представлении о “конце истории”, достижении такого уровня развития производительных сил и соответствующих им общественных отношений, который обеспечивает в дальнейшем поступательное, бескризисное развитие (“end state”⁹). Материальным базисом “конца истории” виделись производительные силы зрелого индустриального общества. Они должны были привести к обобществлению, интернационализации, торжеству свободы, равенства и братства. На этом, согласно марксизму, движение истории через кризисы и противоречия завершалось. А ведь данный постулат закрыл возмож-

⁹ Анализ понятия “end state” и его критика содержатся в работе: Barry N. The Invisible Hand in Economics and Politics. London, IEA, 1988.

ность заглянуть за пределы индустриализма — в отношении как материальной базы, так и соответствующих ей общественных форм¹⁰.

Во-вторых, теория общественно-экономических формаций не позволяла адекватно анализировать соответствующие процессы. История искусственно разделялась на фазы, и разным технологическим укладам должны были соответствовать принципиально разные общественные (экономические, социальные и политические) формы. Но это не отвечало ходу истории. На деле схожий уровень развития производительных сил порождал (на более ранних стадиях общественного развития) разные общественные формы. Вместе с тем глубокие изменения в общественных отношениях происходили и в рамках того, что в марксизме считается одной формацией. Смена институтов по мере развития производительных сил — более сложный, дробный и многообразный процесс, нежели просто движение от одной формации к другой. В этом отношении “официальные марксисты” преуменьшили значение методологии Маркса, свели роль производительных сил к глобальным процессам смены формаций, проигнорировали текущую трансформацию форм организации общества, связанную с прогрессом производительных сил.

В-третьих, была недооценена активная роль общественных форм, которые не только находятся под влиянием материальной (технологической) базы, но и сами способны оказывать на нее значимое воздействие. Здесь работает механизм как прямой, так и обратной связи, и последняя должна была стать объектом серьезного изучения. Влияние производительных сил на конкретные общественные формы проявляется лишь *в конечном счете*, политические институты играют существенную роль, воздействуют на динамику производительных сил. На это обращали внимание и сами основоположники марксизма, особенно на последнем этапе их творчества¹¹. Именно это и обуславливает многовариантность, непредопределенность исторического процесса: “Мы делаем нашу историю сами, но, во-первых, мы делаем ее при весьма определенных предпосылках и условиях. Среди них экономические являются в конечном счете решающими. Но и политические, и т.п. условия, даже традиции, живущие в головах людей, играют известную роль, хотя и не решающую”¹².

Вопрос о роли институтов в экономическом развитии, в том числе в обеспечении технологического прогресса, стал предметом при-

¹⁰ Эта ошибка похожа на ошибку Т. Мальтуса, который абсолютизировал доступный ему технологический уровень и сделал на этой основе пессимистические прогнозы перспектив развития человечества. Но Мальтус не претендовал на владение методами диалектического анализа.

¹¹ “В историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто единственно определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение — это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки” (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 394).

¹² Там же, с. 395.

стального внимания в последней трети XX в. в связи с обсуждением различий в траекториях развития отдельных стран. По сути, это и был вопрос о роли экономических и политических форм. Термин “институты” покрывает то, что в марксовой схеме рассматривалось как общественные формы (производственные отношения и политическая надстройка). На этом сосредоточились исследователи, которых объединил неoinституциональный подход к анализу национальных экономик и экономической истории. И хотя далеко не все они были марксистами, их исследования могли внести существенный вклад в развитие марксова учения о механизмах исторического процесса. В этой связи прежде всего выделяются имена Р. Камерона и Д. Норта.

В центре внимания Норта и его коллег находятся вопросы о том, как институты влияют на экономический рост и социальное развитие, какие факторы определяют их эволюцию, в каких случаях может сформироваться система институтов, препятствующих экономическому развитию. Отвечая на последний вопрос, Норт приходит к заключению: важнейший фактор, определивший возникновение таких институтов, — противоречие интересов государства и общества. Отсюда всего шаг до вывода: социальная революция служит предпосылкой радикальной трансформации производственных отношений и крушения элит, препятствующих возникновению новой системы институтов. “Несмотря на то, что по истории технологии и связи технологии с экономическим процессом написано много прекрасной литературы, этот вопрос по существу остался за рамками какого-либо формального корпуса теории. Исключение составляют труды Карла Маркса, который попытался соединить технологические изменения с институциональными изменениями. Разработка Марксом вопроса о связи производительных сил (под которыми он обычно понимал состояние технологии) с производственными отношениями (под которыми он понимал различные аспекты человеческой организации и особенно права собственности) представляла собой пионерные усилия, направленные на соединение пределов и ограничений технологии с пределами и ограничениями человеческой организации”¹³.

Несмотря на то что неoinституционалисты подчеркнуто дистанцируются от марксова наследия, их взгляды на экономическое развитие близки к марксистским¹⁴. Все их оговорки и уточнения не могут отменить тезиса о принципиальной роли технологической базы (производительных сил) в истории общественного прогресса и в

¹³ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги “Начала”, 1997, с. 168. В другой работе он отмечал: “Марксистская схема анализа дает наиболее сильное средство исследователям именно потому, что она включает те элементы, которые отсутствуют в неоклассической традиции: институты, права собственности, государство, идеологию. Тезисы Маркса о критической роли прав собственности в эффективной экономической организации и роли противоречий между существующими правами собственности и производственными возможностями, создаваемыми новыми технологиями, являются его фундаментальным вкладом в исследование экономической теории” (North D. Structure and Change in Economic History. New York and London, W.W.Norton & Company, 1981, p. 61).

¹⁴ Камерон Р. Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней. М.: РОССПЭН, 2001, с. 23–24.

определении специфических общественных (экономических, социальных и политических) форм. Тем самым производительные силы оказываются первопричиной как процессов *развития*, так и *функционирования* общественной системы.

*Опыт развитых стран
и проблемы догоняющего развития*

Принятия тезиса о примате производительных сил недостаточно для практического использования марксовской философии истории в аспекте понимания и прогнозирования тенденций общественного развития и прежде всего применительно к отдельным странам. Для того чтобы конкретизировать общую схему общественного прогресса, необходимо рассмотреть несколько взаимосвязанных вопросов:

- о возникновении самого феномена современного экономического роста;
- о роли общественных отношений (институтов) в возникновении и поддержании экономического роста;
- о возможности использования опыта наиболее развитых стран странами менее развитыми;
- о возможностях и механизмах конвергенции, то есть приближения менее развитых стран к уровню более развитых.

Тезис, в соответствии с которым "наиболее развитые страны дают менее развитым пример их будущего"¹⁵, рисовал упрощенную картину мира и был скорректирован еще самим Марксом. Он уточнил, что этот вывод имеет смысл только в том случае, если страна встала на путь капиталистического развития. Вопрос о том, должна ли страна пойти по этому пути, оставался открытым.

Более того, повторение пути развитых стран не тождественно прогрессу. Капиталистическое развитие в логике письма в редакцию "Отечественных записок" — лишь один из способов движения к социализму. Именно переход к нему — это подлинный прогресс. "Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 года, то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу и испытает все роковые злоключения капиталистического строя"¹⁶. Путь к социализму через развитие крестьянской общины в черновике письма к В. Засулич выступал альтернативой развития капитализма со всеми его тяготами и кризисами. Иными словами, Маркс фактически выводит догоняющее развитие за рамки собственно капиталистической модели.

Ситуация с опытом развитых стран еще более запуталась с возникновением СССР, появлением теории построения социализма в одной стране, к тому же не самой передовой в технологическом отношении. Кто кому теперь должен показывать пример? Ответ на этот вопрос был зафиксирован как аксиома: советская общественная система — самая передовая, к ней неизбежно придут капиталистические

¹⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 9.

¹⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 119.

страны. Подчеркивая это обстоятельство, коммунистические идеологи приняли термин “технологически развитые страны”, давая понять, что в социально-экономическом отношении “капиталистический Запад” отстает от “социалистического блока”. Но в технологическом отношении СССР все больше отставал от индустриальных стран, стремился опереться на западные технологии, покупая их или получая по каналам промышленного шпионажа. Разрыв с Западом никогда не сокращался менее чем на одно–два поколения¹⁷. Однако в 1950–1960-е годы многим, в том числе западным лидерам, казалось, что быстро наращивающий свою индустриальную мощь Советский Союз в обозримом будущем сможет превзойти рыночные демократии и по уровню развития производительных сил.

Наступление постиндустриальной эпохи ознаменовало появление обратной тенденции: стал углубляться разрыв между развитыми капиталистическими странами и коммунистическим блоком. Затем крах советской системы поставил окончательную точку в рассуждениях о социально передовом, но экономически отсталом строе. Подтвердился тезис о влиянии производительных сил на характер экономических и политических институтов. Эпоха крупных индустриальных форм способствовала возникновению и укреплению отношений, основанных на централизации и огосударствлении. Выход за рамки индустриализма потребовал коренного изменения модели общественных отношений. Дело лишь в том, что отказ от них в высокоцентрализованной и жестко организованной коммунистической системе оказался более болезненным, чем “вращение” в постиндустриализм в условиях рыночной демократии.

Использование опыта развитых стран может быть полезным для отработки новой системы национальных институтов. Классический пример — успех исследований А. Смита, обсуждавшего применимость опыта Голландии, наиболее передовой и развитой страны конца XVIII в., к Великобритании. Он задавался вопросом: что должны делать Англия и другие страны континентальной Европы, чтобы выйти на уровень благосостояния, достигнутый в Голландии?¹⁸ И, напротив, его не интересовали перспективы развития самой Голландии. Именно этот подход стал источником успеха смитовой теории в отличие, например, от построений Т. Мальтуса, который пытался делать выводы на основе экстраполяции сложившихся к тому времени тенденций развития стран — лидеров современного экономического роста.

К Марксу применим тот же вывод: его наиболее точные наблюдения и прогнозы связаны с анализом тенденций, характерных для британской экономической истории, но никак не с экстраполяцией этих тенденций применительно к самой Великобритании, США и другим развитым странам мира. Понимание этой особенности его подхода отчасти объясняет парадоксальную ситуацию, при которой серьезные социальные потрясения, более или менее укладывавшиеся в марксист-

¹⁷ Гайдар Е. Современный экономический рост и стратегические перспективы социально-экономического развития России. М.: ИЭПП, 2003, с. 15–18.

¹⁸ См.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.–Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931, т. 1, с. 381–386.

стскую схему, происходили в странах, находящихся на низком уровне развития. Передовые страны ушли от революционного взрыва. Следовавшие за ними страны догоняющего развития, вступавшие в самую опасную с точки зрения сохранения политической стабильности полосу, в некоторых случаях не смогли избежать революционных потрясений. Причины формирования подобной ситуации могут быть выделены лишь при дополнительном исследовании особенностей институциональной структуры конкретных стран¹⁹.

Прошедшие со времен Маркса полтора столетия подтвердили вывод о неравномерном развитии отдельных стран, в том числе и развитых²⁰. Этот тезис требует постановки вопроса о догоняющем развитии, о возможности не только использования опыта наиболее развитых стран, но и преодоления разрыва в уровнях экономического развития. Постановка вопроса о способах решения задачи догоняющего развития не нова, однако окончательный ответ на него так и не найден. Тем не менее некоторые выводы общего характера можно сделать уже сейчас.

Первое. Догоняющее развитие возможно. На протяжении последних двухсот лет отдельным странам удавалось преодолеть отсталость и вступить в ряды наиболее развитых стран мира. Бывало и обратное, когда передовая страна в силу некоторых причин откатывалась назад. Яркие примеры первого случая — Япония, Финляндия, Ирландия, классический пример второго — Аргентина, входившая в начале XX в. в десятку наиболее развитых стран мира.

Второе. Успешность догоняющего развития не предопределена. Маркс указывал, что опыт наиболее развитых систем уместен для менее развитых стран, если последние встали на путь формирования капиталистического хозяйства. Но этого недостаточно для приближения к странам-лидерам.

Третье. Термин “догоняющее развитие” не совсем точен. Скорее, следует говорить о формировании стратегии прорыва, то есть набора действий, позволяющих не повторять те же фазы, которые прошла более развитая страна, а перешагивать через отдельные технологические этапы²¹. Это противоречит тезису Маркса об “облике будущего”, однако отражает опыт последних двух веков.

Четвертое. Успешное догоняющее развитие связано с созданием адекватной системы институтов, положительно влияющих на трансформацию производительных сил. Институты отнюдь не являются пассивными формами, следующими за материальной базой, они иг-

¹⁹ Данный вопрос выходит за рамки настоящей статьи. Более подробно он рассмотрен в: Стародубровская И., Мау В. Великие революции от Кромвеля до Путина, гл. 1, 11.

²⁰ Более подробно этот тезис рассматривался В. Лениным, сделавшим вывод о том, что “неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма” (Ленин В. Полн. собр. соч., т. 26, с. 354). Из этого тезиса он делал вывод о возможности победы социализма первоначально в немногих, но и даже в одной, отдельно взятой стране, тем самым дополняя проблему догоняющего развития социальным аспектом.

²¹ См.: Shin J.-S. The Economics of the Latecomers: Catching-up, Technology Transfer and Institutions in Germany, Japan and South Korea. London and New York, Routledge, 1996.

рают активную роль, стимулируют или сдерживают развитие производительных сил. Целесообразно заимствование (импорт) институционального опыта более развитых стран менее развитыми, при этом прямолинейное перенесение институтов из более развитых стран в менее развитые может быть весьма непродуктивным. Необходим учет таких факторов, как: особенности исторической эпохи; дистанция, отделяющая догоняющую страну от лидеров; специфика культурно-исторического развития данной страны²².

Пятое. Стратегия догоняющего развития должна соответствовать характеру производительных сил, являющихся передовыми в мире. В этом вновь выражается роль материально-технической базы как детерминанты развития общественных институтов. Речь идет не о конкретной стране, а о глобальных тенденциях развития хозяйственных систем. Они задают формы организации мировой экономики, воздействующие на развитие любой страны, даже самой закрытой. Доминирует в мире золотой стандарт или система плавающих валютных курсов, протекционизм или либеральный внешнеторговый режим, — все это определяет рамки социально-экономического развития любой страны, особенно той, которая стремится совершить технологический рывок.

При осуществлении политики ускоренной индустриализации отсталые страны ориентируются на особенности данной фазы экономического роста — определяют отраслевые приоритеты, перераспределяют в их пользу ресурсы. В условиях, когда ведущие страны вступают в постиндустриальную эпоху, модель догоняющего развития оказывается принципиально иной, ориентированной на стимулирование адаптационных возможностей экономических агентов к меняющимся вызовам времени, построенной в логике либеральной экономики²³. Даже решение задачи выхода из традиционного общества (индустриализма) приходится искать с учетом особенностей постиндустриальной эпохи.

Шестое. Страны, вступающие на путь современного экономического роста, отделяет от стран-лидеров неодинаковая дистанция. Государства континентальной Западной Европы в начале — середине XIX в., как правило, отставали от Англии всего на одно поколение, южно- и восточноевропейские страны в конце XIX — начале XX вв. — на два-три. А Китаю потребовалось почти полтора века, чтобы сформировать предпосылки начала современного экономического роста. Теоретически все имели равные возможности, чтобы воспользоваться благами применения науки для развития новых технологий. Но в реальности первыми за лидером устремились те, у кого сформированные на стадии аграрного развития институты оказались в наибольшей степени адаптированными к требованиям динамичного развития, быстрым структурным переменам. У вступивших в гонку стран, отставших в развитии от лидеров на два-три поколения, возникали серьезные трудности, но были и преимущества: их элиты знали, как трансформировались со-

²² Подробнее см.: Гайдар Е. Современный экономический рост и стратегические перспективы социально-экономического развития России.

²³ Подробнее см.: Мау В. Посткоммунистическая Россия в постиндустриальном мире: проблемы догоняющего развития. — Вопросы экономики, 2002, № 7.

циально-экономические структуры в странах, шедших впереди, имели возможность предвидеть проблемы, которые неизбежно возникнут.

А. Гершенкрон обратил внимание на связь между отставанием от лидеров и уровнем государственного участия в экономике. Чем больше разрыв, тем, как правило, активнее действует государство, пытаясь обеспечить условия для начала современного экономического роста²⁴. С увеличением отделяющей от лидеров дистанции расширяются возможности технологических заимствований, которые поощряет и организует государство. Развитие событий в конце XX в. показало, что эта зависимость не универсальна, однако такая тенденция существует. Страны, вступившие в процесс современного экономического роста только в XX в., как правило, демонстрируют более высокие показатели государственной нагрузки на экономику, чем страны-пионеры на тех же уровнях развития.

Седьмое. Не последнюю роль в экономическом развитии играют историко-культурные и этно-религиозные традиции догоняющей страны. Конечно, этот фактор не следует преувеличивать, сводить все к пресловутой протестантской этике: представления, сформулированные М. Вебером, выглядят архаично в наши дни, когда вот уже полвека продолжается быстрый экономический рост стран с конфуцианской системой ценностей, а одной из самых динамичных стран Западной Европы стала католическая Ирландия²⁵. Но нельзя отрицать, что определенные особенности страны и народа могут как подталкивать к экономическому росту, так и сдерживать его.

Реальные возможности технологического прорыва — результат взаимодействия сложного комплекса факторов, здесь важны не только их формальный перечень, но и нюансы. Трудно прогнозировать то, что на деле может достигнуть страна. Это станет известно лишь экономическим историкам будущего. Сказанное не опровергает марксистский постулат о роли опыта передовых стран, но позволяет уйти от упрощенной интерпретации в его использовании.

Марксизм и проблемы глобализации

Глобализация — один из модных в настоящее время терминов. С процессами глобализации нередко пытаются связать явления социальной и экономической жизни, отставание одних стран и ускорение развития других. Вокруг проблемы глобализации идет нешуточная идеологическая борьба, причем одна из особенностей современного

²⁴ Подробнее см.: Gerschenkron A. *Europe in the Russian Mirror*. Cambridge, Cambridge University Press, 1970, p. 98–99; Kuznets S. *Modern Economic Growth. Rate, Structure, and Spread*, p. 291–292.

²⁵ Стоит привести следующие рассуждения: “Когда-то утверждалось, что существует четкая иберийская традиция: “авторитарная, родовая, католическая, классовая, корпоративная и полуфеодалная до самых корней”. Тащить Испанию, Португалию или страны Латинской Америки к стандартам Западной Европы или Соединенных Штатов — означало быть повинным в “этноцентризме”. Но этих же универсальных стандартов придерживались сами люди иберийской традиции, и с середины семидесятых годов Испания и Португалия перешли в разряд стабильных демократий” (Фукуяма Ф. *Конец истории и последний человек*. М.: АСТ — Ермак, 2004).

политического ландшафта — тенденция поддержки глобализации праволиберальными партиями. Наиболее жесткие критики ее — левые, в том числе коммунисты. Так обстоят дела на Западе, не представляет собой исключения и Россия. Здесь лидеры и идеологи КПРФ идут в первых рядах борцов с последствиями глобализации, выдвигают проекты ее сдерживания. В глобализации видят угрозу существованию коммунистического движения.

Между тем *антиглобалистская идеология и политика противоречат как букве, так и духу марксизма*. Все марксово учение пронизано идеей глобализации. Более того, именно предвосхищение процессов глобализации является одной из важнейших заслуг Маркса, показателем глубины его анализа, прогностической эффективности его историко-экономического метода. Марксизм сформировался и вырос как глобалистская доктрина. Тезис о глобализации в марксизме звучит двояко.

С одной стороны, он фиксирует понимание общего направления технологического и экономического развития цивилизованных стран. То, что на современном языке называется “глобализацией”, выступает не чем иным, как частным случаем марксова термина “обобществление”. Обобществление — это не только национализация (и даже совсем не национализация), но и процесс придания экономическим процессам (как технологиям, так и производственным отношениям) международного характера. Вплоть до середины 1920-х годов победа пролетарской революции и утверждение коммунистической системы мыслились только в международном масштабе, хотя бы в масштабе ряда ведущих европейских стран, создающих единую хозяйственную систему.

С другой стороны, анализируя характер и тенденции развития современного ему капиталистического строя, Маркс выступал как непримиримый противник протекционизма, всего того, что препятствует глобализации. Уже в 1847 г. он писал: “Протекционизм реакционен... Последним утешением протекционистов является то, что страна эксплуатируется не иностранными, а отечественными капиталистами... Я не буду больше говорить о протекционистах”²⁶. Анализ Маркса носит подчеркнуто классовый характер. Вопросы протекционизма и свободы торговли он рассматривает сквозь призму движения к революционному преобразованию мира. Дело не в том, что свобода торговли может способствовать улучшению положения рабочего класса — на этот вопрос однозначного ответа нет. Главное — в распространении современного капитализма с неизбежным усилением революционной борьбы пролетариата: “Система свободной торговли ускоряет социальную революцию”²⁷.

Позднее, когда настала эпоха бурного роста индустриализма, сопровождавшегося ослаблением свободы торговли и принятием

²⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 361, 362.

²⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 418. Маркс также писал: “Мы стоим за свободу торговли, потому что с введением ее все экономические законы с их самыми поразительными противоречиями будут действовать в более широкой сфере, на более обширной территории, на территории всего мира; и потому, что сплетение всех этих противоречий в единый клубок, где они столкнутся, породит борьбу, которая в свою очередь завершится освобождением пролетариата” (там же, с. 266, 267).

большинством развитых стран покровительственных тарифов, Энгельс стал более благосклонно относиться к протекционистской политике как инструменту ускоренной индустриализации. Он положительно отзывался о покровительственных тарифах, использованных правительствами США и России для решения задач догоняющего развития. Но и здесь были необходимы существенные оговорки: “Покровительствуя одной отрасли промышленности, вы прямо или косвенно наносите вред всем остальным”. “Самое худшее в протекционизме — это то, что раз он введен, от него нелегко избавиться”²⁸. Протекционизм идет рука об руку с монополистическими тенденциями в производстве и дестимулирует стремление национальной экономики к росту конкурентоспособности²⁹. Особенно опасен, по мнению Энгельса, протекционизм в странах, чьи конкурентные преимущества связаны с дешевизной рабочей силы.

Итак, мы можем зафиксировать по крайней мере три вывода по вопросу об отношении марксизма к глобализации.

Глобализация — прогрессивная тенденция, а, как писал Энгельс, “против экономических фактов ничего не поделаешь”³⁰. Глобализация — один из “железных законов” общественного развития.

Протекционизм реакционен. Хотя он может рассматриваться как инструмент экономической политики на отдельных этапах развития производительных сил, проведение протекционистской линии вопреки общему тренду и логике развития производительных сил не соответствует ни духу, ни букве марксизма.

В глобализации, в формировании мирового рынка видели подтверждение правоты марксизма как в смысле направления социального развития ко все большему *обобществлению*, так и с точки зрения *обострения внутренних противоречий капитализма*.

К глобализации апеллировали ранние марксисты для доказательства правоты буквы своего учения. Энгельс утверждал, что тенденция к понижению заработной платы, не прослеживаемая в развитых странах, происходит в масштабах всей мировой капиталистической системы (хотя оставался открытым вопрос, можно ли колонии, находящиеся на докапиталистических стадиях развития, включать в этот анализ). В. Ленин именно в глобализации мирового рынка видел наступление “высшей и последней стадии капитализма”, когда до предела обостряются непримиримые противоречия между империалистическими державами: “Это обострение противоречий является самой могучей двигательной силой переходного исторического периода, который начался со времени окончательной победы всемирного финансового капитала”³¹. Р. Люксембург подчеркивала, что революционный кризис связан с формированием международного рынка³².

Оставался открытым вопрос, ведет ли глобализация к обострению капиталистических противоречий или к их смягчению. В начале XX в.

²⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 377.

²⁹ Там же, с. 378, 380, 382.

³⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 38, с. 265.

³¹ Ленин В. Полн. собр. соч., т. 27, с. 422.

³² Люксембург Р. Социальная реформа или революция. М.: Госполитиздат, 1959.

в связи с мировой войной и революционными потрясениями в Европе и Азии казалось, что эти противоречия обостряются, что они дестабилизируют капиталистическую систему до такой степени, что она скоро рухнет, неспособная справиться с порожденными ею процессами.

Проблема отношения к глобализации активно муссировалась в СССР в 1920-х годах, когда на повестку дня встал вопрос о перспективах пролетарской революции и социализма в стране и мире. Когда большевики брали власть, они рассчитывали на начало мировой революции, создание мирового коммунистического хозяйства. В него должны быть вовлечены если не все, то, по крайней мере, некоторые из наиболее передовых стран, где в соответствии с марксистской доктриной пролетарская революция назрела. На практике события разворачивались иначе. СССР остался единственной страной с коммунистической партией, находящейся у власти и претендующей на строительство новой, социалистической системы. Предстояло определить относительно его политической судьбы, принципов функционирования советской экономики.

Принятие ленинского тезиса о монополии внешней торговли в совокупности со сталинской линией на ускоренную индустриализацию стало непростым выбором. К таким действиям подталкивала логика индустриального мира, логика догоняющей индустриализации. Идея протекционизма была господствующей в мире с конца XIX до середины XX в. Как представлялось большевистским лидерам, единственная страна социализма не может допустить послабления в контактах с враждебным миром. Но была и другая сторона вопроса, на которую указывали некоторые экономисты и политические лидеры. В. Базаров — видный марксист, левый социалист — обращал внимание на то, что закрытие внутреннего рынка от ввоза импортных продуктов из капиталистических стран, стремление построить автаркическую экономику приведут к тому, что отечественные производители будут изготавливать “продукцию очень высокой себестоимости и очень низкого качества”³³.

С вопросами глобализации тесно связана и концепция “перманентной революции”, разработанная Л. Троцким в 1905–1929 гг. Он пытается примирить реальное развитие событий с классической марксистской доктриной: победу “пролетарской революции” в отсталой, крестьянской стране с отсутствием мировой революции и мировой системы коммунизма. Дело не столько в доктрине, сколько в вопросах практического характера: может ли утвердиться социалистическая система в одной стране, какова будет ее хозяйственная система, каковы возникающие в этой ситуации риски? Причем в отличие от “красных профессоров” из сталинского окружения Троцкий не мог позволить себе ограничиться терминологическими манипуляциями (например, объявить Россию страной со “средним” уровнем развития капитализма).

Для Троцкого социалистическая (коммунистическая) система должна демонстрировать не только социально-политическое, то и технологическое превосходство, обеспечивать более высокий уровень развития

³³ Базаров В. Принципы построения перспективного плана. — Плановое хозяйство, 1928, № 2, с. 49.

производительных сил. В мире, где явно обозначились тенденции к глобализации (или, по принятой тогда терминологии, интернационализации), это требует включения страны в мирохозяйственные связи³⁴. Но в других странах сохраняется капиталистический режим, они враждебны СССР и вряд ли будут способствовать укреплению советского государства. Это противоречие ставит перед СССР две альтернативы: или страна политически эволюционирует в направлении капитализма и станет органичной частью его мировой системы, или она будет изолирована от мирохозяйственных связей, экономически деградирует и рухнет.

“Интернационализм не есть отвлеченный принцип, но лишь теоретическое и политическое отражение мирового характера хозяйства, мирового развития производительных сил и мирового развития классовой борьбы. Социалистическая революция только начинается на национальной почве. Но она не может на ней закончиться... Оставаясь и далее изолированным, пролетарское государство в конце концов должно было бы пасть жертвой этих противоречий”, — писал Троцкий³⁵. Такое развитие событий было неприемлемо для теоретика и практика коммунистической революции. Он пытался найти выход в теории “перманентной революции”. Но она была крайне уязвимой и с теоретической, и с практической точек зрения (чем, естественно, не преминуло воспользоваться сталинское руководство). На простой вопрос: что делать, если мировой революции не будет, у Троцкого не было убедительного ответа. Оставался только общий вывод: “Острые кризисы советского хозяйства являются напоминанием о том, что производительные силы, созданные капитализмом, не приурочены к национальным рынкам и могут быть социалистически согласованы и гармонизированы только в международном масштабе. Другими словами, кризисы советского хозяйства являются не только недомоганиями роста, своего рода детскими болезнями, но и чем-то неизмеримо более значительным — именно, суровыми одергиваниями со стороны международного рынка”³⁶.

История СССР подтвердила прогнозы Троцкого. Хотя, как это обычно бывает, кризис наступил позднее, чем ожидалось, и принял формы, существенно отличные от описанных. Но суть кризиса оказалась именно такой, какой ее видел теоретик “перманентной революции”: малая включенность в мировой рынок, наличие жестких институциональных барьеров для использования передовых технологий,

³⁴ “Переход власти из рук царизма и буржуазии в руки пролетариата не отменяет ни процессов, ни законов мирового хозяйства. Правда, в течение известного времени после Октябрьского переворота экономические связи Советского Союза с мировым рынком ослабели. Но чудовищной ошибкой было обобщать явление, которое представляло собой лишь короткий этап диалектического процесса. Мировое разделение труда и сверхнациональный характер современных производительных сил не только сохраняют, но будут удваивать и удесятерять свое значение для Советского Союза по мере его экономического подъема” (Троцкий Л. Перманентная революция. 2-е изд. Cambridge, MA: Iskra Research, 1995, с. 220).

³⁵ Троцкий Л. Перманентная революция, с. 231, 217, 218. Ср. также: “Слабость советского хозяйства... — в его нынешней, послеоктябрьской изолированности, т.е. в невозможности для него пользоваться ресурсами мирового хозяйства” (Троцкий Л. Перманентная революция, с. 221).

³⁶ Там же, с. 222.

нарастающее отставание СССР от капиталистического мира, затем крах “реального социализма”. Другое дело, что в отличие от ожиданий Троцкого крах этот произошел уже на новой стадии развития производительных сил, когда сменились тенденции развития материальной базы общества. На индустриальной фазе СССР мог успешно адаптировать новые технологии и сокращать свое отставание от Запада. Это продолжалось вплоть до начала 1960-х годов³⁷.

С аналогичными проблемами столкнулись позднее многие страны с низким уровнем экономического развития, пытавшиеся в XX в. (и особенно во второй его половине) решать проблемы индустриализации, встав на путь “социалистической ориентации”. Их руководство полагало, что наличие “наиболее передовой” общественной системы позволит сконцентрировать ресурсы, получить поддержку СССР, создать автаркическое хозяйство и на этой базе совершить скачок. Практика опровергла подобные надежды. Большинство из этих стран так и не смогли вырваться из бедности, другие, более того, деградировали.

Изменились и теоретические представления об эффективных моделях “экономики развития”. До последней трети XX в. в экономической науке доминировали марксистские или неомарксистские представления о способах решения проблемы отсталости, основанные на закрытии национальной экономики от иностранной конкуренции, централизации ресурсов в руках государства, их перераспределении в приоритетные сектора. Только в последние десятилетия широкое распространение получили взгляды, согласно которым открытая внешнеэкономическая политика, линия на интеграцию в структуры мирового рынка — важнейший фактор успешного экономического роста³⁸.

В этом пункте имеет место разрыв идеологии коммунистических партий (как в России, так и в других странах) с духом и буквой марксизма. Левые оказались в первых рядах антиглобалистского движения, вышедшего на политическую арену в 1990-е годы. Интернационализация политических сил — господствующая в мире доктрина — на деле обеспечивающая социально-экономический прогресс в постиндустриальном мире, основана на либеральной идеологии. Левые же силы более комфортно чувствуют себя в индустриальном мире с его крупными производственными формами и закрытыми национальными экономиками. Отсюда и их позиция по отношению к глобализации³⁹.

³⁷ Тезис Троцкого используется некоторыми левыми в качестве обоснования причин краха “реального социализма”: “Неимоверно прославленный тезис В. Ленина о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране оказался на поверку грубой ошибкой, которую исправила сама жизнь, называемая в марксистском научном обиходе объективной реальностью... Его ошибка... подтвердила истинность предвидений Маркса во всемирном масштабе”. См.: Дегтярев А. Предисловие к последнему русскому изданию XX века. В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М.: Вагриус, 1999, с. 6.

³⁸ Sachs J., Warner A. Economic Growth and the Process of Global Integration. — Brookings Papers on Economic Activity, 1995, No 1; Åslund A., Warner A. EU Enlargement: Consequences for the CIS Countries. A paper presented to the conference “Beyond Transition: Development Perspectives and Dilemmas”, Warsaw, CASE, 2002.

³⁹ Зюганов Г. Глобализация: тупик или выход? — Правда, 2001, 27–28 марта, № 33, с. 3; Зюганов Г. Глобализация и судьба человечества. М.: Молодая гвардия, 2002.

Хотя в общем-то позиция современных коммунистов по отношению к глобализации достаточно противоречива. С одной стороны, они не могут не признать объективный характер процесса, предсказанного Марксом. Они гордятся прогнозами основоположника. С другой стороны, им трудно признать, что политические и экономические последствия глобализации связаны с ослаблением социальной борьбы в рыночных демократиях. Начинается поиск новых интерпретаций процесса, естественно, они пытаются провозглашать, что сейчас разворачивается “плохая” глобализация — империалистическая, противоречащая интересам большинства населения мира и особенно угрожающая России. Однако возможна и другая глобализация — “правильная”, которая будет осуществляться в условиях социализма в интересах всего человечества. Как видим, здесь открыто проявляется конфликт между марксовой методологией исторического анализа и подходом, основанным на незыблемости догм “светской религии”.

В своей борьбе с глобализацией коммунисты порывают с сутью марксизма, признающего наличие универсальных, объективных тенденций. Глобализация является сегодня одной из таких тенденций. Она противоречит левым настроениям и политическим предпочтениям, но от этого не перестает быть объективным процессом, характеризующим современный этап развития производительных сил.

Марксизм и современные марксисты

В современном мире официальный марксизм, представленный левыми политиками и теоретиками, чувствует себя некомфортно. Рухнуло то, что на протяжении десятилетий выступало пусть и не до конца убедительным, но наглядным подтверждением исторической правоты “революционного марксизма” — мировая коммунистическая система. Долгосрочные тенденции развития мира противоречат изначальным (равно как и вульгаризированным) положениям марксизма — во всяком случае, в том виде, в котором он воспринимался левыми на протяжении последних 100–120 лет. Действительно, в непростое положение попали официальные марксистские теоретики: многие фундаментальные тенденции мирового развития не укладываются в “прокрустово ложе” левой идеологии. Ясно, что для объективного анализа надо разделить методологию и веру. А сделать это трудно. Отсюда догматизм, невозможность полноценного анализа с использованием марксистской методологии.

Оказавшись в такой ситуации, “официальные марксисты” трансформируют свои взгляды по-разному: одни просто-напросто вульгаризируют доктрину в угоду политической практике (и тогда вслед за нападками на глобализацию они демонстрируют откровенный национализм и ксенофобию), другие, напротив, предлагают содержательные интерпретации современного исторического прогресса. Если первый подход является чисто политическим и не имеет отношения к проблематике научной статьи, то второй заслуживает краткого рассмотрения.

Можно выделить три варианта интерпретации современных тенденций в логике марксистского анализа. Ортодоксальные марксисты пытаются доказать, что базовые прогнозы классиков (не только Маркса,

но и Ленина) оказались верны и обнаруженные ими тенденции продолжают действовать в полной мере. Другие авторы пытаются расширить, универсализировать марксистские социальные прогнозы. Третьи стремятся переинтерпретировать марксизм, вернуться к его изначальным гуманистическим и демократическим традициям. Эти три подхода, конечно, взаимосвязаны, характерные для них элементы можно найти в работах одних и тех же авторов.

Несмотря на существенные изменения в мире, произошедшие за последние 100 лет, среди марксистов до сих пор встречаются ортодоксальные теоретики, по мнению которых “капитализм продолжает демонстрировать те же симптомы кризиса — эксплуатация, дискриминация, загрязнение окружающей среды, войны и враждебность”⁴⁰. Подобный подход характерен и для руководства нынешней КПРФ. Признавая ряд новых тенденций в развитии современных производительных сил, Г. Зюганов настаивает на том, что фундаментальные прогнозы, содержащиеся в работах Маркса и Ленина, продолжают реализовываться на практике. Это касается двух основных тенденций развития современного мира. Зюганов настаивает на актуальности ленинской интерпретации современного капитализма (империализма) как высшей стадии капитализма, как паразитического и загнивающего общества. Тезис о “высшей фазе” в принципе не нуждается в доказательствах, поскольку новейшая фаза всегда может интерпретироваться как высшая по отношению ко всем предыдущим. А “паразитизм” и “загнивание” выводятся из современных процессов глобализации, которые ведут к усилению эксплуатации менее развитых стран. В этом тезисе российские коммунисты повторяют размышления Р. Люксембург о капитализме, требующем “третьих лиц” или внешних рынков, которые могут эксплуатировать развитые капиталистические страны⁴¹.

Вместе с тем выдвигается тезис о том, что модернизация и гуманизация капитализма объясняются влиянием СССР и его союзников. Только из-за глобального противостояния капитализма и коммунизма первый адаптировался к вызовам времени, демократические и социальные тенденции приобрели большой вес в капиталистических странах. Теперь же, после краха мировой системы социализма капитализм вновь будет возвращаться к привычным способам эксплуатации труда и природных ресурсов⁴². А пока существует эксплуатация, будет

⁴⁰ Sherman H. *Reinventing Marxism*. Baltimore — London, The John Hopkins University Press, 1995, p. 12.

⁴¹ Этот тезис принимают “зеленые”, традиционно занимающие левые позиции. Так, Б. Коммонер (первый кандидат в президенты США от партии “зеленых”) утверждал, что “предсказание Маркса о прогрессирующей обнищании рабочего класса при капитализме не сбылось, потому что капиталисты все это время эксплуатировали природу, и сейчас, когда природные ресурсы уже совсем подойдут к концу, тут-то обнищание и начнется” (www.prompolit.ru/132718).

⁴² Зюганов Г. *Глобализация: тупик или выход?*, с. 10, 14. Также см.: Дегтярев А. Предисловие к последнему русскому изданию XX века. В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. *Манифест Коммунистической партии*. М.: Вагриус, 1999, с. 7. В рассуждениях о решающей роли Советского Союза в повышении гибкости и трансформации капитализма остается, однако, открытым вопрос, почему капитализм активно трансформировался в политическом и социальном отношениях уже при жизни Маркса и Энгельса, задолго до возникновения “реального социализма”.

существовать и марксизм как учение о социалистической альтернативе капитализму⁴³. Укажем на то обстоятельство, что здесь имеет место отход от исходной марксовской философии истории, предполагающей, что анализ развития общественных отношений должен опираться на выделенные тенденции развития производительных сил. Характер материальной базы общества трактуется очень широко. Фактически признается, что один и тот же тип капиталистических производственных отношений порождается производительными силами, радикально отличными от тех, которые были характерны для капитализма XIX в. Если на ранних стадиях марксова доктрина столкнулась с проблемой существования радикально различных способов производства на одинаковом технологическом фундаменте, то теперь ситуация противоположная. Благодаря ускорению технического прогресса происходит динамичное развитие производительных сил, за которыми по идее должна следовать кардинальная трансформация общественных отношений. Признавая этот очевидный факт, марксист попадает в логическую ловушку, из которой нельзя выбраться, не отказавшись от одного из двух постулатов классиков. Нужно выбирать: или философия истории, или теория классовой борьбы и революции.

Если придерживаться марксовской теории исторического прогресса, то надо признать, что капитализм трансформировался, причем произошло это без обострения классовой борьбы и революции. Более того, даже крушение “реального социализма” следует объяснять в этой же логике: советская система была порождением индустриального строя, и ее крах был связан с неспособностью экономических и политических институтов (производственных отношений) этой системы адаптироваться к вызовам времени. Общественные структуры развитых рыночных демократий оказались более гибкими.

Если же стоять на позиции классовой борьбы и революции, то придется отказаться от историко-экономического метода анализа, считая, что “никакого качественного перелома в развитии мирового империализма за последние сто лет не произошло”⁴⁴. Разумеется, сторонники марксизма как “светской религии” не могут позволить себе отказаться от важнейшего компонента учения. Тем самым левые марксисты закрывают возможности исследования и прогноза перспектив развития современных рыночных экономик, вынуждены делать упор на нарастание противоречий капитализма и приближение подлинного социализма.

Разрыв между марксизмом как историко-философской доктриной и теорией классовой борьбы явно прослеживается в наблюдаемом в последнее время разделении двух основных направлений марксизма — (анти)научного и критического. Первое создает закрытую систему, основанную на метафизике и диалектическом материализме, второе — более открытую плюралистическую систему, характеризующую демокра-

⁴³ Gorz A. Farewell to the Working Class. London, Pluto Press, 1982; Bookchin M. Anarchism, Marxism and the Future of the Left. Edinburgh and San Francisco, A.K. Press, 1999; Munch R. Marx@2000: Late Marx Perspectives. London and New York, Zed Books, 2000, ch. 4.

⁴⁴ Зюганов Г. Глобализация: тупик или выход?, с. 14.

тическим эгалитаризмом⁴⁵. Первое начинает восприниматься все более скептически — как неспособное нарисовать адекватную картину будущего, альтернативного капитализму. Отсюда вывод: следует отказаться от использования марксизма как теории будущего. Однако все, что касается критики капитализма, для второго направления не только сохраняет свою ценность, но и становится все более значимым⁴⁶. На самом же деле марксизм как историко-философская доктрина, позволяющая прогнозировать общественное развитие, оказывается ущербным только тогда, когда исследователь пребывает в узких рамках веры в “социалистический выбор” — этой альтернативы динамика производительных сил действительно не гарантирует. Однако если выйти за пределы левой ортодоксии, то выясняется, что прогностический потенциал теории Маркса остается весьма значительным.

Другая, более тонкая попытка адаптировать наследие Маркса к реалиям второй половины XX в. связана с выведением марксовской традиции анализа на международный уровень. Активные усилия в этом направлении предпринял И. Валлерстайн, позиция которого опирается на открытое признание тенденции к глобализации. Он доказывает, что в марксизме должна быть скорректирована одна из составляющих метода исследования социально-экономических процессов: речь идет о выборе уровня анализа. Еще в XVI в. мир стал интегрированной социально-экономической системой. Анализ мирового развития, основанный на исследовании феномена развития отдельных, вырванных из глобального контекста стран, непродуктивен. В мире есть богатое, сильное “ядро” и бедная, экономически слабая периферия. Та или иная страна способна изменить свое положение в мировой системе, перебраться из периферии в “ядро”. Но это мало что меняет в глобальном мире.

Тем самым противоречия между реальными траекториями национального развития и прогнозами Маркса не принципиальны. Пусть десятилетиями сотни миллионов людей жили при социально-экономической системе, которую ее лидеры нарекли социализмом, мировое хозяйство все равно оставалось капиталистическим. “Если мы говорим о стадиях — а мы должны говорить о стадиях, — то это должны быть стадии развития социальных систем, рассматриваемых как тотальность. В XIX и XX вв. была лишь одна мировая система — мировая капиталистическая экономика”⁴⁷. Как считает Валлерстайн, капитализм наделен большей внутренней энергией и устойчивостью, чем предполагал Маркс, но внутренние противоречия этой формации неизбежно приведут к взрыву, переходу к социалистической системе и созданию мирового правительства.

Схожие рассуждения типичны для многих современных левых марксистов, в том числе российских. Ключевая проблема для них —

⁴⁵ Ryan M. *Marxism and Deconstruction: A Critical Articulation*. Baltimore, MA, John Hopkins University Press, 1982, p. xiii–xiv.

⁴⁶ Makdisi S., Casarino C., Karl R. (eds.). *Marxism Beyond Marxism*. New York–London, Routledge, 1996; Munch R. *Marx@2000: Late Marx Perspectives*, ch. 1.

⁴⁷ Wallerstein I. *The Rise and Future Demise of the World Capitalist System: Concepts for Comparative Analysis*. — *Comparative Studies in Society and History*, 1974, vol. 16, No 4, p. 390.

доказательство того, что основное направление развития капитализма остается таким же, как описал Маркс, что он лишь недооценил адаптивные способности капиталистического строя. Но весь адапционный потенциал этого строя не выходит за рамки национальных границ; капитализм в мировом масштабе недалеко ушел от системы, описанной классиками: "Те пороки реального капитализма, от которых оно стремилось убежать, вдруг вновь встретились ему на пути, причем в еще более тяжелых и уже глобальных формах. Буржуазное общество на рубеже второго и третьего тысячелетий оказалось гораздо ближе к образцу естественного, несколько эмоционально, хотя и предельно точно прозванного "диким", капитализма, который с неопровергнутой математической точностью описали Маркс и Энгельс, нежели к тем деформированным западным рабочим движением и воздействием несовершенного "реального социализма" вариантам, которые вызывали восторг ревизионистов"⁴⁸.

Оценивая состояние современной мировой общественно-экономической системы, Валлерстайн отмечает: "Я не думаю, что она просуществует долго... Когда ее противоречия не позволят ей дальше функционировать, будет бифуркация, последствия которой невозможно предсказать... Историческая система, как и все исторические системы (соответствующие историческим стадиям Маркса) имеют не только начало (генезис), но... и конец. И только тогда будет ясно, какой станет следующая система, которая будет ее преемником"⁴⁹. Тем не менее главная проблема таких прогнозов в условиях сегодняшнего экономического роста состоит в том, что современники не могут проверить их точность.

Если принять на вооружение подобную систему аргументов, то нелогичной оказывается та борьба, которую современные левые силы ведут против процессов глобализации. Ведь из такой логики следует, что глобализация является важнейшим фактором революционизации общества, слома капиталистической системы. Специфика современного этапа развития левых движений — расхождение марксовской теории и политической практики коммунистических партий, в которых все более усиливаются националистические настроения в ущерб традиционному марксистскому интернационализму.

Подмена анализа национальных экономик оценкой всемирной экономической динамики неадекватна базовым принципам марксовской методологии. Выстроенная Марксом схема мирового развития жестка, но убедительна ("более развитые страны показывают менее развитым лишь картину их собственного будущего")⁵⁰, в интерпретации же Валлерстайна и других левых исследователей она становится мягкой, пластичной. Отказ от анализа национальных траекторий влечет за собой отрицание возможности использовать опыт социально-экономического развития более развитых стран при оценке перспектив более бедных. В отли-

⁴⁸ Дегтярев А. Предисловие к последнему русскому изданию XX века. В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М.: Вагриус, 1999, с. 8–9.

⁴⁹ Wallerstein I. World System versus World-systems. In: Frank A., Gills B. (eds.). The World System: Five Hundred Years or Five Thousand? London and New York, Routledge, 1993, p. 295–296.

⁵⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 9.

чие от многих марксовых построений, которые проходят тест Поппера на фальсифицируемость⁵¹, картина мира, представленная Валлерстайном, позволяет легко объяснить, включить в себя любое развитие событий.

Анализируя современные тенденции общественного прогресса, левые марксисты не могут обойти вниманием вопрос о судьбах СССР и “мировой системы социализма”. Здесь налицо три принципиальных подхода.

Один связан с отказом признать опыт СССР и его союзников социалистическим. Социализм должен был бы являть собой сочетание экономической и политической демократии, что с очевидностью отсутствовало в советской системе. Поэтому опыт СССР, по мнению левых, не доказывает неверность идей Маркса — в СССР им никогда не следовали. Наоборот, анализ советского опыта демонстрирует критический потенциал марксизма как инструмента интерпретации не только капиталистических, но и других классовых отношений, в том числе такого уникального явления, как Советский Союз⁵². В этой же логике советскую систему нередко характеризуют как разновидность государственного капитализма, признаки которого в СССР стали проявляться с какого-то момента его истории (здесь оценки находятся в диапазоне 1960–1980-х годов). Несоответствие провозглашенных целей и действительности привело к кризису системы⁵³. Крах СССР оказывается одним из звеньев кризиса и будущего краха капитализма.

В некоторых вариантах этой теории “реальный социализм” называют особой формацией, где общественные отношения структурировались по оси власти, сравнивают с деспотиями Месопотамии, Древнего Египта и других стран Востока, которые сам Маркс характеризовал как “азиатский способ производства”⁵⁴. Этот вывод, будучи последовательно проведенным, предполагает отказ от тезиса о взаимосвязи общественных отношений и производительных сил, то есть коренной пересмотр важнейшего компонента марксистской доктрины. Хотя, разумеется, это не более чем аналогия. Для марксиста с гораздо большим основанием советская система является разновидностью общества времен развитого индустриализма, и в этом смысле гораздо более естественны ее сравнения с Германией первой половины XX в.

Еще одно объяснение причин краха СССР связано с тезисом о том, что страна двигалась по социалистическому пути развития, однако натол-

⁵¹ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М.: Феникс, Международный фонд “Культурная инициатива”, 1992.

⁵² Sherman H. Reinventing Marxism, . p. 210–211.

⁵³ См.: Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием; политэкономия государственного капитализма. В сб.: За и против. Издание Союза марксистов, 2000, № 1 (34). См. также: Sherman H. Reinventing Marxism, p. 6.

⁵⁴ Миронов В. Марксизм в разломе эпох. В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М.: Вагриус, 1999, с. 12. Сопоставление экономической системы советского коммунизма с восточными деспотиями, хотя и без термина “азиатский способ производства”, можно встретить и в работах правых либералов. (см., например: Гайдар Е. Государство и эволюция. М.: Евразия, 1995, с. 12). Правда, здесь анализ ведется не в терминах “общественных формаций”, а опыт Востока приводится лишь для иллюстрации.

кнулась на естественное препятствие — национальную (или региональную) ограниченность. Развивая идеи Троцкого о "перманентной революции", сторонники этой позиции утверждают, что социализм не может существовать в одной отдельно взятой стране, поскольку товарно-денежные отношения все равно должны здесь сохраняться — по крайней мере, для взаимоотношений с другими странами. Социализм может устойчиво существовать лишь в глобальном масштабе⁵⁵.

Наконец, кризис социализма объясняют его внутренним перерождением, возникновением неэффективной, неправильной модели. "В конце XX века произошло не крушение социализма как такового, а распад одной из его конкретно-исторических форм, оказавшейся излишне монополизированной и догматизированной и потому плохо приспособленной к решению задач в условиях стремительных мировых перемен"⁵⁶. Правда, здесь никак не обосновываются причины такого развития событий. К этому объяснению примыкают и рассуждения западных сторонников "демократического социализма", в соответствии с которыми "не вполне правильный" советский социализм начал было двигаться в направлении демократических реформ при М. Горбачеве. Но это движение было прервано государственным переворотом, организованным обуржуазившейся элитой⁵⁷.

Отталкиваясь от своей интерпретации общественных формаций, левые марксисты склонны отождествлять наступление постиндустриального общества с коммунизмом — разумеется, не немедленно, но в конечном счете. Это приводит к серьезной трансформации доктрины. Выделяются три типа формаций: экономические, основанные на собственности (рабовладение, феодализм, капитализм), азиатские — на власти, а также коммунистическая, базирующаяся на информации⁵⁸. Недостатком этого тезиса является отсутствие достаточных обоснований для радикального отделения постиндустриального общества от других стадий современного роста.

* *
*

Сегодня, имея за плечами опыт XX века и абстрагируясь от идеологического противостояния левых марксистов и правых либералов, можно попытаться оценить, подтвердила ли жизнь законы исторического развития, сформулированные Марксом. Он выделил характерные для современного ему экономического роста изменения в производстве и социальной структуре, указал на динамичный характер общественной эволюции; продемонстрировал, что социально-экономическая структура не остается неизменной, находится в постоянном развитии.

⁵⁵ Якушев Д. О прошлом и будущем социализма. Причины появления "теории" государственного капитализма. — *Марксизм и современность*, 2000, № 2–3 (16–17).

⁵⁶ Зюганов Г. Глобализация: тупик или выход?, с. 22.

⁵⁷ Kots D., Weir F. *Revolution from Above. The Demise of the Soviet System*. London and New York, Routledge, 1997.

⁵⁸ Миронов В. Марксизм в разломе эпох. В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. *Манифест Коммунистической партии*. М.: Вагриус, 1999, с. 18.

Это подтвердил опыт XIX и XX вв. Маркс выявил роль производства, роста технологических возможностей как динамичного фактора, который оказывает огромное влияние на развитие общества. Он продемонстрировал, что между производственными отношениями и развитием производительных сил есть обратная связь, что возможны ситуации, когда сложившиеся производственные отношения становятся тормозом развития производства. Современные неoinституционалисты называют такие ситуации «институциональными ловушками».

В то же время Маркс переоценил возможность прогнозировать развитие общества в условиях современного экономического роста, не понял, да и не мог понять, располагая доступной ему информацией, какими непредсказуемыми и резкими могут быть изменения, казалось бы, устойчивых, проверенных опытом тенденций, характерных для стран-лидеров. «Гений Маркса, секрет притягательности его идей лежит в том, что он был первым, кто сконструировал социальные модели, ориентирующиеся на долгосрочное развитие. Но эти модели были слишком простыми и неизменными. Им придали силу закона и начали использовать как готовые автоматические объяснения процессов, протекающих в любом месте и в любом обществе... Именно это ограничило эффективность использования наиболее сильных средств анализа социальных процессов в течение последнего века»⁵⁹. Основоположник марксизма был убежден, что закономерности, которые он наблюдал с середины XIX в. в Англии, «носят всеобщий характер и в дальнейшем не только сохранятся, но и будут усиливаться»⁶⁰.

В этом заключается одна из важнейших проблем, ограничивающих использование марксова аналитического инструментария. Сложность кроется здесь в самой природе феномена экономического роста. Это незавершенный, продолжающийся процесс динамичных и глубоких преобразований, не имеющий прецедентов в мировой истории. Для него характерны масштабные изменения того, что кажется прочно устоявшимся. Поэтому ни один из законов, описывающих характерные для роста тенденции, нельзя признать вечным и абсолютным.

Многие десятилетия экономический рост отождествляли с индустриализацией. Он сопровождался быстрым ростом доли промышленности в ВВП и структуре занятости. Во второй половине XX в. выяснилось, что индустриализация — лишь одна из стадий современного экономического роста, ей на смену приходит другая: за счет промышленности растет доля сферы услуг. В те времена, когда Маркс работал над своими трудами, еще не проявился коварный характер экономического роста, его способность преподносить сюрпризы тем, кто счел себя знатоком его логики. Маркс, используя доступный ему теоретический и фактический материал, пытался постичь законы развития капиталистическо-

⁵⁹ Braudel F. *History and the Social Sciences. Economy and Society in Early Modern Europe*. London, Routledge & Kegan Paul, 1972, p. 38, 39.

⁶⁰ «Если бы Энгельс и Маркс подождали десять лет — до того времени, когда признаки экономического прогресса и существенного роста реальной заработной платы станут очевидны, трудно предположить, что «Положение рабочего класса в Англии» и «Коммунистический манифест» были бы написаны» (Hayek F. *Capitalism and the Historians*. Chicago, The University of Chicago Press, 1954, p. 91).

го способа производства, выявить его противоречия, механизмы крушения. Теперь мы знаем об этом росте больше. Именно поэтому современный исследователь должен разграничивать методологические принципы анализа общественного прогресса и законы (тенденции) развития данного общества. Если методологические принципы марксизма являются и сегодня мощным инструментом анализа, то наши знания о закономерностях социально-экономического развития в условиях современного экономического роста ограничены. Это обусловлено плохо предсказуемыми тенденциями развития производительных сил.

Располагая сегодняшним опытом, мы вынуждены осторожнее подходить к анализу долгосрочных закономерностей и взаимосвязей социально-экономического развития. Историческая практика показала, насколько динамичен и нестационарен современный экономический рост, как опасно прогнозировать грядущие экономические и политические события и процессы в странах-лидерах. Не случайно даже в самых интересных работах, посвященных долгосрочным тенденциям социально-экономического развития, последние разделы, содержащие анализ настоящего и прогнозы на будущее, выглядят слабее других⁶¹. Лишь значительная историческая дистанция позволяет адекватно оценивать происходившее⁶².

Из этого вытекает отношение к конкретным закономерностям, выявленным Марксом. Так, марксова теория прибавочной стоимости, которая сегодня кажется столь архаичной и оторванной от жизни, неплохо описывала известные его современникам реалии аграрных и раннеиндустриальных обществ. По словам Й. Шумпетера, теория прибавочной стоимости Маркса ошибочна, но гениальна⁶³.

Классовый конфликт — реальность Англии во время создания "Манифеста Коммунистической партии" — положен в основу концепции классовой борьбы как важнейшего процесса мировой истории. Маркс прогнозировал обострение этой борьбы. Социальная дезорганизация, присущая ранним этапам индустриализации, превращается у него в закон абсолютного обнищания рабочего класса при капитализме. Подмеченную тенденцию концентрации зарождающегося капитала он объявляет общим законом развития капитализма.

Вопреки представлениям Маркса и его последователей на одном и том же уровне развития производительных сил исторически долгое

⁶¹ Kuznets S. *Economic Growth and Structure*. New York, W.W.Norton & Company, 1965; Kuznets S. *Modern Economic Growth. Rate, Structure, and Spread*; Maddison A. *Dynamic Forces in Capitalist Development*. Oxford — New York, Oxford University Press, 1991; Maddison A. *Phases of Capitalist Development*. Oxford — New York, Oxford University Press, 1982; Maddison A. *The World Economy: A Millennial Perspective*.

⁶² "Таким образом, нет единого пути, нет закона развития. Каждая страна, которая сталкивается с задачами индустриализации, страна догоняющего развития, вне зависимости от того, в какой степени она находится под влиянием британского опыта, в какой-то степени вдохновлена им, в какой-то степени напугана, вырабатывает свой собственный путь к современному обществу. Если это правильно для стран ранней индустриализации, то это в еще большей степени правильно сегодня. Все зависит от времени... Развивающиеся страны неизбежно будут пытаться миновать отдельные стадии развития" (Landes D. *The Wealth and the Poverty of Nations. Why Some Are So Rich and Some So Poor*. New York — London, W.W.Norton & Company, 1999, p. 236).

⁶³ Schumpeter J. *Economic Doctrine and Method*. London, George & Unwin, 1954.

время могут сосуществовать радикально отличающиеся друг от друга системы экономических и социальных институтов. В странах с разными институциональными и культурными традициями на близких уровнях развития наблюдаются схожие структурные перемены, встают одни и те же проблемы. Поэтому на вопрос, который сформулирован в начале данной статьи, можно ответить так: опыт XX века не дает оснований отказываться от апробированного метода анализа долгосрочных проблем. Те, кто исследовал и анализировал подобные проблемы в начале XX столетия, считали этот метод естественным и добротным. Учтем их мнение. Изучая отечественные реалии, не станем абстрагироваться от опыта стран — лидеров современного экономического роста, проблем, возникавших в процессе их развития.

Важнейшей особенностью рубежа XX–XXI вв. с точки зрения перспектив развития прогностического потенциала марксизма является радикальная смена политических сил, готовых опираться на марксистские традиции. Левые фактически отказались от марксизма как методологии, базы своего учения. Это неудивительно, поскольку фундаментальный марксистский тезис о соответствии (пусть и *в конечном счете*) экономических и политических отношений уровню развития производительных сил не внушает оптимизма левым партиям — сторонникам активного перераспределения, централизации и государственного вмешательства в экономику.

На рубеже XIX–XX вв. господствовало представление, что признание правоты марковского тезиса о роли производительных сил в формировании общественных институтов равнозначно историческому оправданию тоталитаризма. Технологический прогресс разворачивался в направлении крупных индустриальных форм, над которыми должны были возвышаться экономическая централизация и политический тоталитаризм. Ф. Хайек отмечал: «Практически все социалистические школы использовали философию истории как способ доказательства преходящего характера разных наборов экономических институтов и неизбежности смены экономических систем. Все они доказывали, что система, которая основана на частной собственности на средства производства, является извращением более ранней и более естественной системы общественной собственности»⁶⁴.

Либералы середины XX в. искали свои пути противодействия теории «исторической неизбежности». Они апеллировали к единственному, что оставалось в их распоряжении, — тезису о непредсказуемости технологического прогресса. Тем самым они отказывались признать то, что казалось тогда очевидным, — неизбежность смены рыночной демократии централизацией и тоталитаризмом. Важнейшим этапом либерального противостояния «железным законам» стала книга К. Поппера «Нищета историзма», главная идея которой — доказательство невозможности прогноза истории человечества на основе научных или иных рациональных методов⁶⁵. Главный аргумент либералов — ключевая роль

⁶⁴ Hayek F. Capitalism and the Historians, p. 22.

⁶⁵ Popper K. The Poverty of Historicism. London, Routledge & Kegan Paul, 1957, p. 135. См. также: Berlin I. Historical Inevitability. London — Oxford, Oxford University Press, 1954.

в социально-экономическом развитии новых достижений науки и технологий. На человеческую историю всегда оказывал влияние общий, постоянно растущий багаж знаний, а отнюдь не методы, позволяющие предсказать количественные и качественные характеристики потока инноваций даже в недалеком будущем. Поэтому дать научный прогноз дальнейшего развития человеческой истории тоже невозможно⁶⁶.

Либералы середины XX в. оказались правы. Современные производительные силы требуют либерализма и демократии⁶⁷. Наиболее успешные примеры развития в последней трети XX в. демонстрируют страны, которые смогли снизить бремя государства, лежащее на экономике⁶⁸. Это же можно сказать о странах, успешно решающих задачи догоняющего развития в постиндустриальном мире. Практические выводы из марксистской философии истории оказались далекими от прогноза победы коммунизма.

В такой ситуации правые либералы рубежа XX–XXI вв. склонны воспринимать марксистскую философию истории как один из центральных компонентов своей мировоззренческой и методологической базы. Это имеет место в России, где по понятным причинам все воспитывались в рамках марксистской традиции. Но постепенно подобное восприятие утверждается и на Западе, где ряд видных мыслителей обращаются к марксизму. Наиболее ярким примером здесь стали работы Ф. Фукуямы. Рассматривая политические и идеологические тенденции конца XX в. и приходя к выводу о принципиальном торжестве либерализма, он основывается на марксистской традиции. Речь идет о наличии таких тенденций социального развития, когда с переходом на новый уровень производительных сил происходят схожие изменения в системе общественных институтов разных стран. Эти тенденции могут приводить к конвергенции политических форм, причем подчас в самых неожиданных сферах, задолго до формального политического сближения стран и вопреки любым политическим декларациям⁶⁹.

В последние годы вновь появились сторонники тезиса о наличии некоего “конечного состояния” общественного прогресса, достижение которого создает оптимальные для человека и производительных сил условия для безграничного прогресса. В качестве такой универсальной и конечной системы рассматривается либеральная демократия. В зна-

⁶⁶ Popper K. *The Logic of Scientific Discovery*. London, Hutchinson, 1972, p. 136. Сам Поппер признавал, что предпринятая им критика представлений о существующих исторических законах — его вклад в борьбу против фашизма и тоталитаризма (Popper K. *Unended Quest: An Intellectual Autobiography*. London, Routledge, 1982, p. 135).

⁶⁷ Rosser J., Rosser M. *Schumpeterian Evolutionary Dynamics and the Collapse of Soviet-Bloc Socialism*. — *Review of Political Economy*, 1997, vol. 9, No 2.

⁶⁸ Barro R., Lee J.-W. *Losers and Winners in Economic Growth*. NBER Working Paper No 4341, April 1993; Alesina A. *The Political Economy of High and Low Growth*. Washington, DC, IBRD, 1997; Пути экономического роста. Международный опыт. М.: Деловой экспресс, 2001; Илларионов А., Пивоварова Н. *Размеры государства и экономического роста*. — *Вопросы экономики*, 1996, № 9.

⁶⁹ Вот любопытный пример: “Хотя тоталитаризм сумел разрушить видимые институты дореволюционных России и Китая..., элита обеих стран, возникшая в эпоху Брежнева и Мао, оказалась куда больше похожа на элиту западных стран со сравнимым уровнем экономического развития, чем кто-либо мог предположить” (Фукуяма Ф. *Конец истории и последний человек*, с. 78–79).

чительной мере этот вывод опирается на анализ волны демократизации последней трети XX века, связанной с возникновением постиндустриальных производительных сил. Социализм, принятый Марксом и его последователями за конечное состояние исторического прогресса, на самом деле есть часть старой, индустриальной истории, и в этом смысле остается лишь этапом (хотя и не неизбежным) на пути к распространению свободы и демократии во всемирном масштабе⁷⁰.

Здесь следует сделать ряд оговорок относительно устойчивости либеральной тенденции, возможности рассматривать ее как “конец истории”. Во-первых, даже признавая этот вывод справедливым, нельзя абсолютизировать тенденцию, прямолинейно выводя господство демократических институтов из современного уровня развития производительных сил. Нетрудно заметить, что сами эти технологии могут использоваться в интересах консервативных сил. Во-вторых, либеральная тенденция пробивает себе дорогу лишь в конечном счете, а потому нельзя исключить колебания и движения вспять. Существуют внешние угрозы либерализму в виде радикальных тоталитарных течений. Существуют и внутренние угрозы, связанные с противоречиями самого либерализма. “Но видеть в поражении либеральной демократии в любой конкретной стране или в целом регионе свидетельство общей слабости демократии — признак серьезной зашоренности взгляда”⁷¹. В-третьих, теория “конечного состояния” (“конец истории”, “end state”) опасна, поскольку создает искушение ее абсолютизировать. Нельзя говорить о поступательном и гарантированном торжестве либерализма отныне и навеки. Прогресс производительных сил не стал более прогнозируемым, чем пятьдесят, сто или двести лет назад. Скорее, наоборот — их динамика становится сейчас еще менее предсказуемой.

На ренессанс либерализма и активное использование методологии Маркса правыми либералами указывают и исследователи левого толка, ранее полагавшие, что обладают монопольным правом на марксизм. Одни видят в обращении либералов к марксизму силу учения и не выходят в этом за рамки идеологического штампа⁷², другие — более глубокую основу данного процесса, обуславливая ренессанс либерализма характером постиндустриальных производительных сил⁷³.

Дальнейшее освоение марксовской методологии поможет лучшему пониманию истоков доминирования либеральных тенденций в экономике современных развитых стран, равно как и в посткоммунистической России. Она позволяет исследовать современные общественные феномены, в том числе объяснить, почему на рубеже XX–XXI веков восторжествовал либерализм. Это надо открыто признать, равно как и признать естественность и даже необходимость углубления исследовательской традиции, которая может быть охарактеризована как *либеральный марксизм*.

⁷⁰ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек, с. 118.

⁷¹ Там же, с. 95.

⁷² Уин Ф. Карл Маркс. М.: АСТ, 2003, с. 10.

⁷³ Дегтярев А. Предисловие к последнему русскому изданию XX века. В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М.: Вагриус, 1999, с. 7–8.